

Сергей Пулковский

A man with a beard and short brown hair is sitting up in a hospital bed, wearing dark blue scrubs. He has a serious, somewhat distressed expression. To his left, a woman with long dark hair, wearing a dark blue hospital gown, stands with her hand on his shoulder, looking at him with a concerned expression. To his right, a man with dark hair and a beard, wearing a white hospital gown and large white angel wings, stands looking down at his hands. The background is a plain, light-colored wall. The overall mood is somber and dramatic.

**Ангелов не
выбирают**

Сергей Пулковский
Ангелов не выбирают

«Автор»

2026

Пулковский С.

Ангелов не выбирают / С. Пулковский — «Автор», 2026

Григорий Петрович, второй секретарь райкома партии смертельно болен и находится в реанимации. Скоро пробьет его последний час. Но в палате появляется незваная гостья. Однозначно он ее знает, но вспомнить никак не может. Что она расскажет больному и что он получит - в моем рассказе.

Сергей Пулковский Ангелов не выбирают

Январь выдался солнечным и холодным. На Крещение морозы стояли такие, что лед на Двине трещал, издавая резкие и глухо звучащие над простором звуки. Редкие автомобилисты рисковали завести свои "Жигули" и "Москвичи", да и то, если те стояли в отапливаемых, купленных коммерческих гаражах. В автобусах тоже было холодно: ЛиАЗы, что составляли внушительный парк пассажирского предприятия города или по-простому -АПАП-1, принимали в свое охлажденное чрево замерзших горожан, от холода стучавших нога об ногу на остановках без крыши. Заполняемость транспорта была сумасшедшей- желающих пешком прогуляться было немного- поэтому "бутылочки" автобуса звонко, с надрывом начинали дребезжать, заставляя начинать движение утяжеленный транспорт.

Снега тоже было немало: в середине ноября, он уже лежал плотным белым покровом, лишь в кучах, убранного снегоуборщиком, представлял перед взглядом спешащих людей серой однородной массой – из-за соли, да от проезжавших по нему машин. Над Двиной стоял, можно даже так сказать, густой пар: "Диксон", ледокол класса "Мудьюг", построенный в самом начале 80-х, проложил "дорожку" по фарватеру, обнажая черные воды реки, от которой и шли испарения.

Кошек и собак тоже не было видно. Обычно грелись на вентиляционных крышках люков и на ободранных учатках труб теплоцентрали. Вестимо, в подвалах нашли временное прибежище. Это кошачьи, а собаки, те даже забегали в магазины, отогревая свои лапы. В "Пингвине" так там потоянно тусовался беспородный Дружок и ни у кого не поднималась рука, точнее нога, выпинать на мороз животину. Кому мороз за счастье так это для синиц – прилетают на зиму из леса. Желтогрудые, препрыгивая с ветки на ветку ожидают своей кормежки: может кто семечек горсть бросит на заснеженный тротуар или пшена сердобольная старушка, а еще лучше, сала в кормушку положат, совсем маленькие кусочки. Воробьи, те постоянно тусуются обычно среди горожан – и на баках, среди вылитых помоев, чувствуют себя очень даже не плохо. Но с морозами ищут теплые места – под крышами пятиэтажек, там где вентиляционные отверстия выпускают из дома еле теплые потоки воздуха. Соседствуют с голубями, если можно. Но больше всего им нравилось греться у 1-й городской больницы: там и котельня своя имеется для обогрева и харчи – три раза в день с пищеблока выносили остатки еды от больных да и сваливали в большой зеленый ржавеющий бак с остатками надписи белой когда-то краски – "1-я горбол". Один из воробьев в ожидании выноса ну и чтобы погреться, пристроился на подоконнике второго этажа реанимации. Дела ему не было до лежащих на кровати людей, укутанных проводами, а погреться можно – очень хороший закуток сделали строители, да теплом поддувало из вентиляции.

Через замерзшее в самом низу оконного блока было плохо видно. Воробей скукожился, нахохлился от стужи, но подумав своим птичьим мозгом, все-таки передвинулся чуть левее – авось заметит что-то интересное..

В просторной палате, на кровати, стоящей недалеко от окна он увидел лежащего мужчину лет 60. Человек лежал с полузакрытыми глазами, веки его подергивались. На впалых щеках, незнавших бритвенного станка дня два, проступал нездоровый румянец. Серые волосы зачесаны назад. Острый нос смотрел вверх, в белый потолок. Ухоженные, но с выпирающими венами, руки лежали поверх накрытого покрывала. Две трубочки, закрепленные под носом изможденного болезнью человека, своим началом закрепляясь с металлическими сестрами и надписью красным цветом "кислород", уходили под потолок и пропадали в отверстиях стены. На этажерке, рядом с кроватью, расположилась медицинская аппаратура, назначение кото-

рой воробей не мог знать. Его немного привлекли зеленые цифры и молниеобразные линии на мониторе, но вскоре он потерял к ним интерес, потому что дальше случилось интересное..

Руки у лежащего мелко задрожали. Он приоткрыл с трудом глаза, закрывая и открывая одновременно веки, как будто шурился от света, хотя одиночную и улучшенную палату заливал приглушенный свет от стоящего поодаль торшера с матерчатым, светлобежевым абажуром. Права рука потянулась вначале к кислородным трубкам, но обессилено упала на грудь. Левая сжала покрывало в слабый комок ткани. Мужчина сглотнул – кадык, с выпирающими короткими небритыми и выпирающими волосками, сделал движение туда-обратно. Больной снова устало закрыл глаза, но через несколько секунд его веки поднялись и он как бы с удивлением, на сколько это было возможно, стал рассматривать обстановку палаты. Справа от двери – деревянной, со стеклом занавешенным приватной шторкой-занавеской с выцветевшими словами "Олимпиада-80", у стены стоял шкаф, видимо для одежды. Между шкафом и стелажом с медицинской аппаратурой тихо ждала своей очереди стойка-капельница, правда с пустой стеклянной бутылкой. Далее, тумба и сама кровать с приподнятым изголовьем, на котором и возлежал обзревающий. А слева стороны, сразу после вешалки с висящим медицинским халатом, два кресла, с разделяющими их торшером и маленьким и низким деревянным журнальным столиком. Чуть дальше – диван с накидкой, ромбическими рисунком непонятного содержания. Лежащий на кровати сомкнул веки и услышал легкий скрип, доносившийся из угла, там где стояли кресла.

– Ну, наконец-то! – услышал человек и с трудом приподнял седую голову повернув ее на голос. Голос был женский, мягкий.. "Как у Талызиной в "Иронии Судьбы.." – пришло на ум больному. – А я уже заждалась.. – голос почти радостно прозвучал из угла, но кто там находился мужчина видеть не мог.. Он с большим трудом оперся на локоть, поправляя проводки, ведущие к его телу чтобы не мешали, пытаясь всмотреться в угол прищурился глазами.. Воробей, рассматривая со своего места даже присел от неожиданности: в левом кресле, ближайшем от входа, сидела женщина(а кто же еще, раз голос женский) в черном балахоне, с накинутом на голову капюшоне. Как же он ее не заметил ранее?! Мужчина, сжав губы от боли, рассматривая незнакомку проговорил тяжело выговаривая слова, которые дались ему совсем не просто: – Кто.. Вы..?

Женщина подняла руки, скинула капюшон с головы, рестегнула свое черное одеяние, распахнув полы. – Ну, здравствуй, что ли, Григорий Петрович, а? – на приподнявшегося на локтях мужчину смотрело улыбочное лицо молодой женщины. Григорий Петрович прищурил оба глаза – нет, она ему не знакома, но его не покидало чувство как будто он встречался с нею. Но когда?! Где он мог видеть ее? Темные волосы, слегка волнистые, ниже плеч, ярко накрашенные губы, подведенные глаза, густые, плотные ресницы. Женщина смотрела на него с радостной улыбкой – чувственные губы приоткрылись обнажая ослепительно белые зубы. И качнула призывно головой, мол, вспоминай, да.. Больной снова откинулся на подушку, пропахшую медицинским запахом, протянул руку к глазам и провел ею по лицу.. "Катерина? Из Москвы?! Когда на партийный съезд КПСС летал? Да ну, не может быть! Это что же получается? Нет! Не она.." – Эх, Григорий, Григорий.. – раздался бархатистый голос из угла.. – И даже не догадываешься, – женщина встала, сняла с себя балахон, расположив тот на вешелке, старательно разгладив. Повернулась к лежащему, опустила вдоль тела руки и взглянула прямо, подняв подбородок чтобы можно было хорошенько рассмотреть ее. Глаза стоящей излучали радость от встречи – это было видно. Григорий Петрович теперь мог полностью созерцать тайную гостью: на вид той было лет 35. Про волосы он уже отметил, щеки приятные-круглые и ..ямочки, которые ему так нравились в женщинах.. Да, еще две едва заметные складочки в уголках губ, что придавали ей эту.. Как его... Мужчина чуть задумался вспоминая не часто употребляемое слово.. А! Сексуальность! Это же молодые, наверное, так говорят. Да, стоящая перед ним, можно было сказать, была привлекательно-сексуальной – черная блузка обтяги-

вала небольшую, но высокую грудь. "Девичью" – подумал Григорий. Плоский живот – это однозначно, заметил мужчина: что-то, а в женщинах он знает толк – не мало, как говорится их у него, кхм-кхм... Точнее, знал когда-то..Сейчас-то чего говорить..Юбка, тоже черная, в обтяжку приоткрывала колени. "Колготки что ли на ней?" – Григорий Петрович взглядом осморел ноги опять же в черных то ли чулках(Слово-то какое? Ну кто с в СССР будет еще носить чулки такие?! Это же фу, как вульгарно!), то ли в колготках.. Заканчивали наряд остроносые туфли на высоком каблуке – их название он знал: "лодочки". "Какой стиль..Вся в черном.." – Григорий Петрович не зря употребил слово "стиль": будучи вторым секретарем райкома КПСС одного из районов города, частенько летал из Талаг – местного аэропорта, в Москву и Ригу. Вот в Риге то и бывал на этих, едрить его, опять забыл..Во! На фуршетах. И бабы были стильные – одетые как на подбор. Дааа..Стильно одевались эти прибалтки..Сам Григорий за границей только один раз был – в Болгарии, в Варне..Это называлось обменом опытом с братскими народами СССР по партийной линии. Мужчина в раздумье усмехнулся – "обмен опытом". Пьянки, гулянки после опостылого "конференц – застолья". Но шмотки всегда привозил ото всюду. Чего только столил видеоманитофон. А кассеты через конфискованные на границе морского порта у таможни приобретались по знакомству. Даже эти, называемые нынче "порнухой". Даром что ли секретарем был? А по годам уже давно "первым" надо..Да и ничего..-Григорий, Григорий, – его отвлек от воспоминаний женский приятный голос: незнакомка уже уселась обратно на кресло, вытянула вперед под углом и скрестила ноги. Одной рукой, локтем, она уперлась в ручку кресла, подбородок положила на образовавшийся кулачок, вторую расположила на своих коленях. Женщина внимательно, почти с любовью рассматривала лежащего. Странно, но только сейчас Григорий Петрович заметил, что дышать ему стало легче. Да и состояние его как-то незаметно улучшилось. Слабость, конечно, осталась. Но с каждой минутой он чувствовал если не прилив сил, то по крайней мере уменьшение того болезненного состояния, что присутствовало в нем несколько месяцев. "Красивая. Кто же она такая? Никак не вспомнить."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.